

Путь на Восток

Перспективы российского ТЭК в странах Азии

СЕРГЕЙ ТИХОНОВ

«Нефтегазовая Вертикаль»

Привлекательность стран Азиатско-Тихоокеанского региона для отечественных нефтегазовых компаний едва ли сегодня вызывает сомнения у кого-то. Причем разговоры о необходимости экспансии российского НГК на Восток начались более 10 лет назад, задолго до введения антироссийских санкций со стороны стран Запада и обострения геополитических отношений. Однако сказать, что за прошедшие годы вектор развития российской нефтегазовой отрасли окончательно сместился из Европы в Азию, конечно, нельзя. Но изменения произошли. Рынок стран АТР с каждым годом играет все большую роль и составляет уже 29,2% от общего экспорта российской нефти. С газом ситуация сложнее. Сейчас всего лишь 6,4% от общего объема экспорта «голубого топлива» предназначено странам АТР, но уже в конце 2019 года ситуация может измениться в корне.

Темпы продвижения российских компаний на рынки стран АТР обусловлены объективными причинами. В-первых, нацелены на них не только наши производители нефти и газа и конкуренция в регионе с каждым годом увеличивается. Во-вторых, на Востоке пока не так развита транспортная инфраструктура, и если треть нефти от нашего экспорта в Азию уже доставляется покупателям нефтепроводом, а остальная часть морским путем, то газ отгружается в страны АТР только в виде СПГ. Стро-

ительство же газопроводов в другие страны дело долгое, сложное и дорогое. Впрочем, «Сила Сибири» уже близка к запуску (запланирован в конце 2019 года), но переговоры по «Силе Сибири-2» пока буксуют и будущее проекта не определено. Наконец, не стоит забывать и о риске падения темпов прироста энергопотребления в странах АТР или резкого увеличения в них собственной добычи углеводородов, а также интереса РФ в Европе и возможностях нашей ресурсной базы.

ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ

Отличительной чертой экспансии российского НГК на Восток является то, что в отличие от западного направления основные препятствия, которые приходится преодолевать, лежат в большей степени в сфере экономики, а не политики. Причем политика, а именно обострение отношений РФ с США и Европой, скорее, играет на руку восточному вектору развития российской нефтегазовой отрасли, как бы подталкивая наши компании к сотрудничеству с партнерами из Азии. Конечно, сказать, что антироссийские санкции были совсем не замечены странами АТР, нельзя. Например, Япония была вынуждена присоединиться к ним, но в значительно более мягком режиме, нежели ЕС или Америка. А такой давний союзник Запада в этом регионе, как Южная Корея, вообще воздержался от экономических ограничений в отношении нашей страны.

Западные санкции подтолкнули Россию к расширению взаимодействия со странами АТР, особенно в части финансирования крупных проектов и в поставках оборудования для нефтесервисной отрасли

По мнению партнера Matrix Capital, профессора ВШЭ Евгения Гавриленкова, «в определенной степени влияние антироссийских санкций на страны АТР можно проследить, поскольку они (санкции) носят экстерриториальный характер. К тому же санкционные инструкции будут сочиняться и в будущем. А пишутся они таким языком, что создается некоторый ореол неопределенности, что объективно побуждает инвесторов осторожно подходить к сотрудничеству с Россией, в том числе и в нефтегазовой сфере. Все-таки экономические отношения с самой крупной экономикой мира важны для всех стран АТР. Однако на данном этапе пока преждевременно говорить о том, что санкции как-то существенно ограничили сотрудничество этих стран с Россией».

В свою очередь, как считает аналитик VYGON Consulting Денис Пигарев, «западные санкции подтолкнули Россию к расширению взаимодействия со странами АТР, особенно в части финансирования крупных проектов и в поставках оборудования для нефтесервисной отрасли. Ограничение работы западных компаний на шельфе уже привело к появлению в Охотском море китайской и японской буровой установки. Компании из Поднебесной активно входят в капитал крупнейших российских проектов ТЭК. Например, восточносибирских месторождений (Ванкор, Юрубчено-Тохомское, Русское месторождения) или других проектов («Ямал-СПГ»). По данным China Global Investment Tracker общий объем китайских инвестиций в энергетику России с 2005 года составил \$33 млрд. С учетом высокой

вероятности сохранения западных санкций надо дальше развивать партнерство, например, создавая новые финансовые инструменты на основе институтов БРИКС».

Впрочем, есть и немного другая точка зрения на российско-китайские отношения. Несомненно, что изначально главные надежды на сотрудничество в регионе наша страна традиционно связывала с Китаем, который уже достаточно долгое время считается нашим основным партнером в регионе. Но, как сказал директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), Константин Симонов, «первоначальные ожидания, что Китай после введения санкций против РФ со стороны США и ЕС подставит нам «дружеское плечо», абсолютно не оправдались. Китайские инвесторы не бросились сразу участвовать в российских проектах, а наши компании работают с Поднебесной на общих условиях. Очень быстро стало ясно, что условия кредитования в Китае попросту грабительские, а привлечь инвестиции из этой страны для проектов в России достаточно проблематично. Окончательно иллюзии развеялись после первого отказа китайцев войти в уже готовый проект на Ванкоре и скандала с отменой сделки по покупке китайской CEFC пакета «Роснефти». В этом смысле намного более надежным и заинтересованным партнером показала себя Индия. Хотя, если сравнивать масштабы сотрудничества с нашей страной, то Китай пока находится вне конкуренции».

РАСТУЩИЙ РЫНОК ПРОТИВ СТАРОГО СВЕТА

Доля стран АТР в глобальном спросе на нефть и газ продолжает расти и уже превысила половину общемирового потребления углеводородов. Причем больше трети от этой доли составляют потребности Китая. По прогнозу Международного энергетического агентства (МЭА), Китай, а также Индия, будут основными источниками увеличения спроса на нефть как минимум до середины 2030-х годов. В прошлом году КНР стала крупнейшим импортером нефти в мире, обогнав США. При потреблении 610 млн тонн Китай импортировал 420 млн тонн нефти (см. «Потребление, добыча и импорт нефти в Китае, 2016–2017 гг.»). В текущем году потребление нефти в Поднебесной приближается к 13 млн барр/сут. Россия уже второй год является главным поставщиком нефти в эту страну. В прошлом году наша страна поставила на китайский рынок 59,7 млн тонн нефти, что на 13,8% больше, чем было поставлено нашими компаниями в КНР в 2016 году.

Здесь нужно отметить, что столь серьезных объемов удалось достичь благодаря существующей транспортной инфраструктуре. В первую очередь, за счет запуска трубопровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО), по которому нефть в Китай поставляется с начала 2011 года. Благодаря ему же через порт в Козьмино на Дальнем Востоке осуществляются поставки в Японию, Южную Корею и Индию. Причем если в 2017 году в Южной Кореи и Индии был отмечен рост поставок российской нефти, то в Японии они, наоборот, сократились, но устойчиво сохраняется уровень экспорта российского СПГ.

Помимо ВСТО нефть в Китай поставляется через трубопровод Сковородино – Мохэ и по трубопроводу Приуртышск – Атасу – Алашанькоу транзитом через Казахстан, из-за которого у «Роснефти» возникли очередные финансовые споры с «Транснефтью». Для Китая прямые поставки российской нефти более выгодны, нежели транспортировка «черного золота» с Ближнего Востока через несколько транзитных стран. Собственно, даже транзит через Казахстан также выгоден Поднебесной, поскольку китайская CNPC владеет 50% нефтепровода Атасу – Алашанькоу.

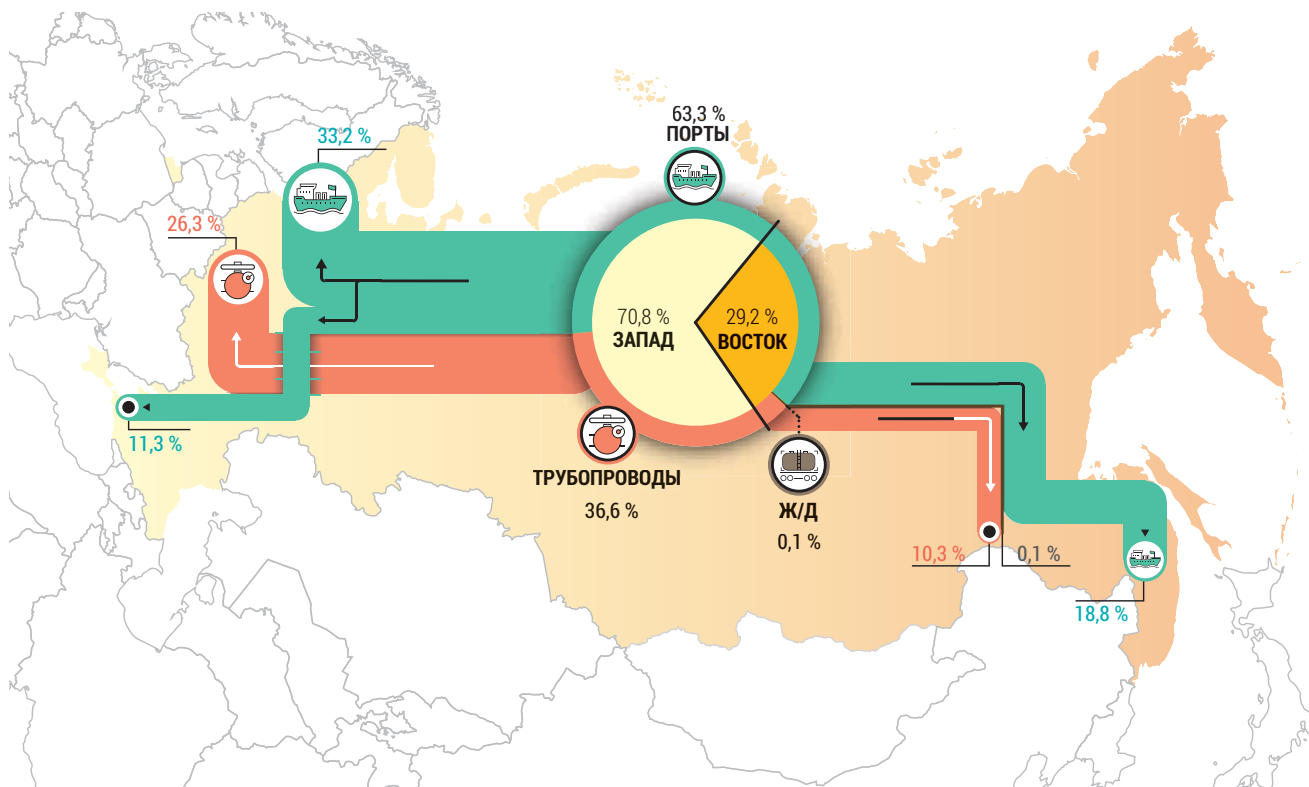
«Темпы прироста энергопотребления в странах АТР (включая Австралию) продолжают оставаться самыми высокими в мире, и доля региона в глобальном спросе на углеводородное сырье в 1980 году составляла 22%, сейчас – 55%, а ожидания на 2035 год – около 70%. Ключевыми триггерами прироста станут Китай и Индия. А географическая близость России к энергетическим рынкам этих стран предопределяет поиск возможных направлений для сотрудничества. Исходя из имеющейся в России ресурсной базы (особенно, по природному газу) нет никаких сомнений, что возможно перенаправление части поставок сырья на Восток (в т. ч. за счет роста пропускной способности ВСТО-2 до 50 млн тонн в год, запуска «Силы Сибири-1» и, возможно, «Силы Сибири-2») без ущерба

для западных потребителей», – считает директор Московского нефтегазового центра ЕУ Денис Борисов.

Оговорка про «западных потребителей» здесь сделана не случайно. По мнению Константина Симонова, «Россия добилась серьезных успехов в экспорте нефти в восточном направлении, но в результате этого может начать «проседать» экспорт на запад. Уже сейчас для выполнения контрактов со странами АТР приходится перебрасывать часть нефти из Западной Сибири, поскольку месторождения Восточной Сибири и Дальнего Востока не могут покрыть весь объем экспорта в АТР. Скорость подписания контрактов с тем же Китаем опередила скорость добычи нефти нашими компаниями. Обратная ситуация с газом. Обязательств меньше, трубопроводы только строятся, но мы находимся в значительно лучшем положении относительно ресурсной базы. Газ для «Силы Сибири» будет добываться на близких к региону месторождениях, и это никак не отразится на европейских потребителях. «Газпром» может позволить себе продолжать ставить рекорды по экспорту «голубого топлива» в Европу и при этом наращивать поставки в страны АТР».

Здесь, правда, нужно отметить, что в перенаправлении потоков экспорта нефти с запада на восток есть и экономический смысл. Для российских компаний выгоднее продавать нефть в восточном направлении из-за ее более

СТРУКТУРА ЭКСПОРТА РОССИЙСКОЙ НЕФТИ, 2017 Г.

Источник: Минэнерго РФ

высокой цены в Азии. В 2017 году, например, положительный эффект для российских нефтяных компаний от экспорта в Азию превысил \$1 млрд.

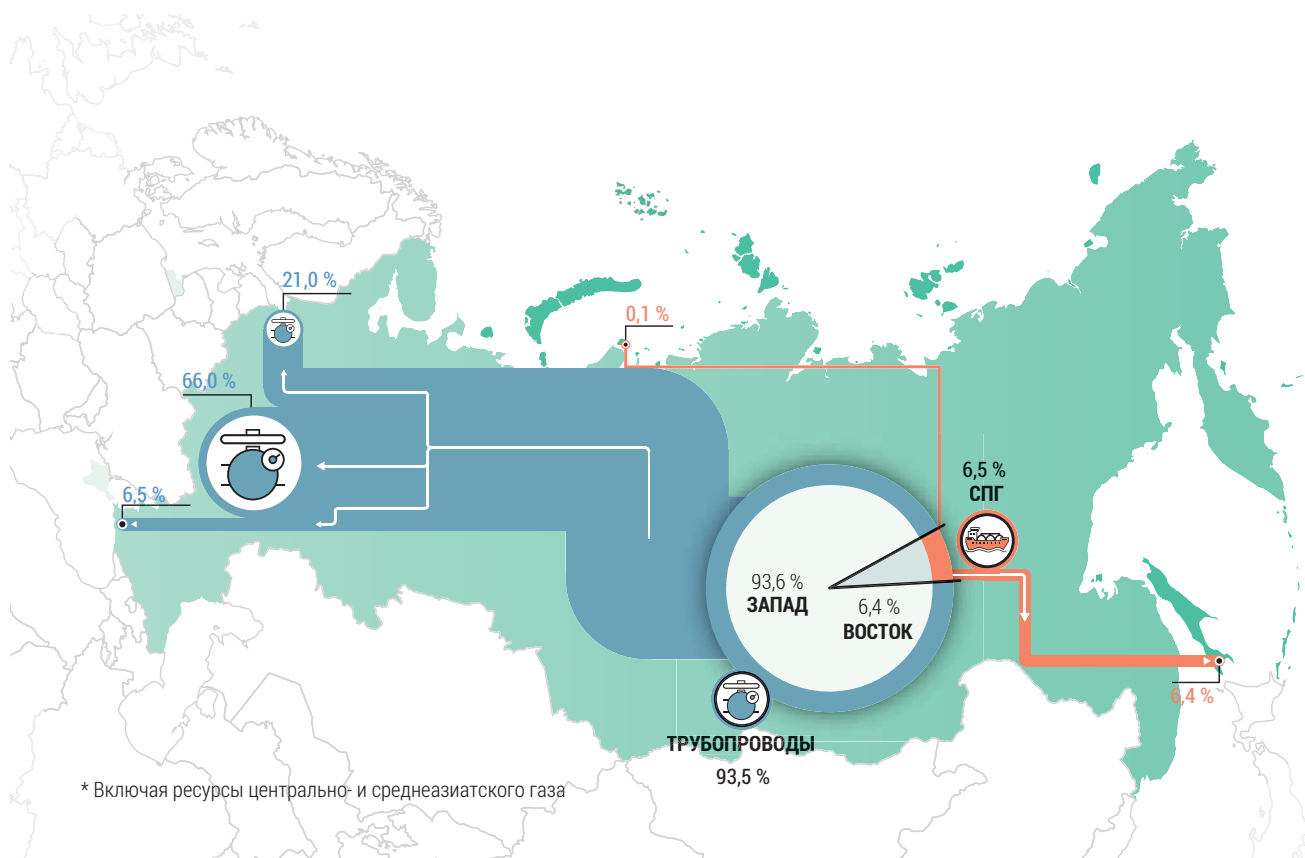
При этом, по мнению Евгения Гавриленкова, «отношения с Европой крайне важны для России, но в силу принятых ограничений эти отношения могут, в лучшем случае, поддерживаться на текущем уровне. Поэтому если рассуждать о приоритетах развития, то в среднесрочной перспективе азиатское направление выглядит более логичным. В долгосрочной перспективе геополитическая необходимость будет требовать сохранения отношений со странами Европы. Говорить же о возможности их развития можно будет лишь в том случае, если Россия начнет показывать более высокие и устойчивые темпы экономического роста – в том числе и вследствие развития энергетического сектора. В этих условиях экономический интерес к России со стороны западных инвесторов объективно повысится. В настоящее же время этот интерес ограничен не только санкциями и идеологическими догмами, но и не особой привлекательностью российской экономики».

УГОЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Впрочем, внутренними российскими проблемами с ресурсной базой и инфраструктурой, а также необходимостью поддерживать отношения с Европой, не ограничиваются сложности экспансии отечественных компаний на рынки стран АТР. Само историческое развитие нефтегазовой отрасли этого региона имела свои особенности, которые оказывают и будут продолжать оказывать влияние на отношения с российским НГК. В первую очередь, стоит сказать, о серьезной зависимости энергетики стран АТР от угля. Мнение, что уголь в энергетике – это вчерашний день, и его обязательно заменят – нефть, газ или возобновляемые источники энергии, в Азии не выдерживает никакой критики.

На данный момент доля угля в мировом ТЭК составляет чуть более 40%. Практически весь прирост угольной генерации в последние десять лет приходится на Азию. Не брезгают угольной генерацией и Южная Корея, и даже Япония. В 2016 году Министерство энергетики Индии заявило, что с учетом принятых проектов в стране доста-

СТРУКТУРА ЭКСПОРТА ГАЗА В 2017 г.

Источник: Минэнерго РФ

точно угольных мощностей, чтобы удовлетворить спрос до 2027 года. Аналогичная ситуация произошла в Китае, Национальная энергетическая администрация страны в 2016 году вынуждена была ограничить строительство угольных станций. Весной прошлого года Center for American Progress опубликовал исследование, по результатам которого китайские угольные станции и по эффективности, и с экологической точки зрения оказались лучше американских.

Доля стран АТР в глобальном спросе на нефть и газ продолжает расти и уже превысила половину общемирового потребления углеводородов

Главным плюсом угля для Азии является его изобилие и доступность в этом регионе, а также цена угольной генерации. По данным General Electric, стоимость выработки 1 кВт*ч на угле колеблется от 3 до 9 центов за 1 кВт*ч, а это в среднем ниже газовой генерации (2–12 центов за 1 кВт*ч), атомной (4–11 центов за 1 кВт*ч) и гидрогенерации (1–14 центов за 1 кВт*ч), не говоря уже о возобновляемых источниках энергии (13–32 цента за 1 кВт*ч). Поэтому рассуждения о том, что российский газ с легкостью заменит уголь в Азии, к сожалению, далеки от реальности. Наш газ вполне способен занять свободные ниши на энергетическом рынке АТР и даже немного потеснить уголь, но последнее – дело не одного года.

Индия, например, в 2016 году приняла программу увеличения доли газа в энергетике с 6,5 до 15% к 2022 году. Причем, согласно прогнозу Международного энергетического агентства (МЭА), Индия будет демонстрировать самые высокие в мире темпы роста спроса на энергоносители (3%), опережая даже Китай (1,6%). Но учитывая, что трубопроводный газ в ближайшем будущем до этой страны едва ли дойдет, речь идет об увеличении поставок СПГ. Здесь для Индии главным вопросом будет цена сжиженного газа, привязанная к нефтяным ценам или ценам спотового рынка. В правительстве страны уже заявили, что Индия готова резко нарастить объемы импорта, но только при цене СПГ не выше \$5/млн БТЕ. Стоит отметить, что НОВАТЭК уже поставил в Индию первую партию сжиженного газа с «Ямал-СПГ». У «Газпрома» также уже есть контракт с индийской компанией Gail на поставки до 4 млрд м³ СПГ в год, которые должны начаться уже в текущем или следующем году.

В свою очередь Китай также принял в 2016 году программу постепенного перехода с угля на газ. По ней доля последнего к 2020 году в энергетике страны должна была вырасти с 6 до 10%, а к 2030 до 12–15%. Но уже в конце 2017 года этот план был переработан, и условия перехода на «голубое топливо» стали значительно бо-

лее мягкими. Согласно заявлению Государственного управления Китая по делам энергетики запланированный переход с угольного топлива на газ следует продвигать «упорядоченным образом». Осторожность китайских властей во многом связана с возникшим в 2017 году дефицитом газа в некоторых северных регионах страны. И эту проблему вполне может решить экспорт российского газа после запуска «Силы Сибири» в конце 2019 года.

По мнению Константина Симонова, «для такой гигантской экономики, как у Китая, уровень потребления газа крайне низок (см. «Потребление, добыча и импорт газа в Китае, 2016–2017 гг.»). Несомненно, что уже в ближайшие годы Китай будет наращивать потребление «голубого топлива». То же самое касается Индии. У России есть все плюсы для успешной конкуренции, в том числе и с СПГ из Австралии или США. В первую очередь, это географическая близость к рынкам сбыта и уже почти готовая транспортная инфраструктура».

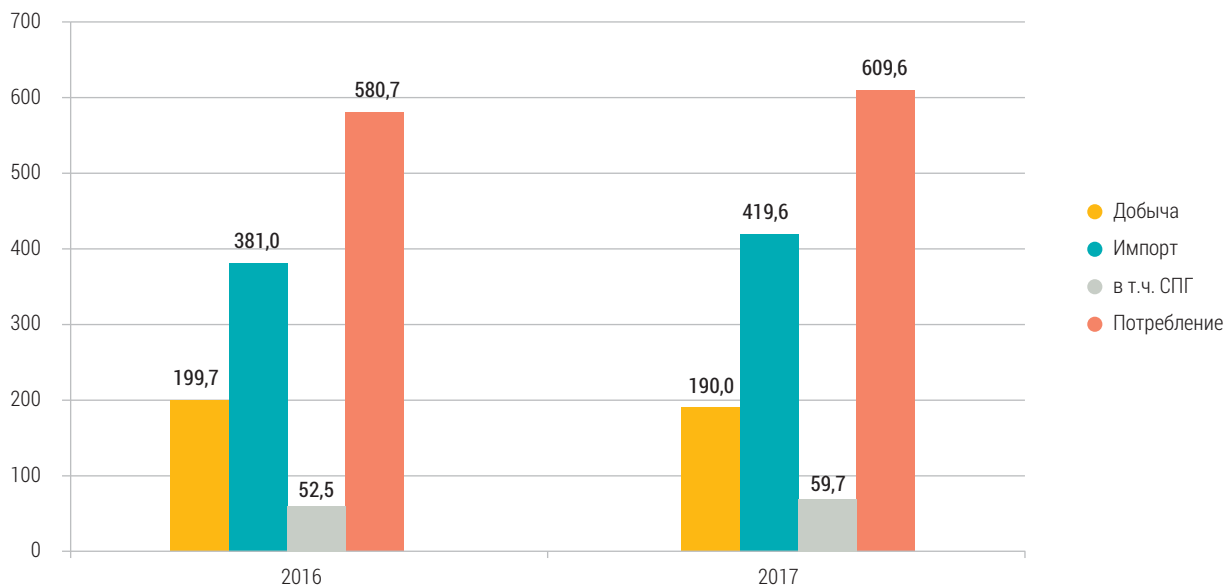
С другой стороны, в Китае пока нет развитого газового машиностроения. Например, оборудование для газовых электростанций китайцам придется закупать за рубежом, что сильно поднимет планку расходов. И это не маловажно, ведь одним из важнейших условий успешного экспорта российского газа в АТР является сохранение динамики роста азиатских экономик, а лучше даже его ускорение. Только в этом случае, возможна успешная конкуренция с углем, который, как известно, больше всего применяется в развивающихся странах, а к ним относят все государства АТР за исключением Японии. Любые проблемы с экономическим ростом и тем паче экономические кризисы, окажут крайне негативное влияние на продвижение российского газа в Азии. В режиме жесткой экономии и сокращения расходов переход с угля на газ будет происходить очень низкими темпами.

Для Китая прямые поставки российской нефти более выгодны, нежели транспортировка «черного золота» с Ближнего Востока через несколько транзитных стран

Как считает Денис Борисов: «говоря, например, о рынке Китая, не стоит забывать и о необходимости анализа различных сценариев дальнейшего развития рынка, т.к. на сегодняшний день целый ряд важных факторов, которые будут оказывать влияние на энергобаланс страны, остается в зоне неопределенности. Сохранятся ли темпы прироста ВВП КНР выше 6% (темпы энергопотребления исторически коррелируют с этой величиной), увеличится ли доля газа в балансе с 6 до 10% или даже 15%, что будет с собственной газодобычей в Поднебесной («сланцевая история»)? В зависимости от того или иного ответа на данные вопросы существенно отличается и величина возможной ниши для российского газа в Китае».

ПОТРЕБЛЕНИЕ, ДОБЫЧА И ИМПОРТ НЕФТИ В КИТАЕ, 2016–2017 гг.

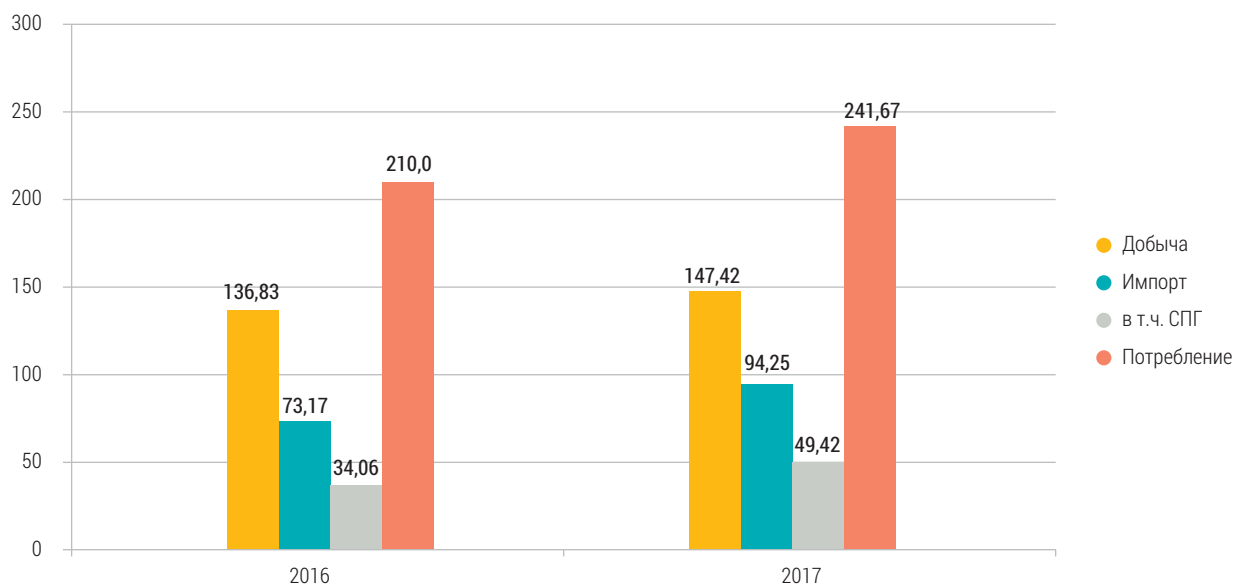
млн т

Источник: Таможенная служба КНР

ПОТРЕБЛЕНИЕ, ДОБЫЧА И ИМПОРТ ГАЗА В КИТАЕ, 2016–2017 гг.

млрд м³

Источник: Государственное статистическое управление КНР, GIIGNL

По нашим оценкам, даже в случае сравнения среднего и оптимистического сценариев величина расхождений может достигать 150 млрд м³».

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ РЕЗЕРВЫ

Еще одним подводным камнем для наших нефтегазовых компаний на азиатском рынке считается теоретическая возможность стран АТР нарастить собственную добычу углеводородов или привлечь других поставщиков, например, США, страны Ближнего Востока или Австралию. Относительно первой возможности, это опять же касается Китая, как обладателя крупнейшей ресурсной базы углеводородов. В остальных странах, например, в Индии, Вьетнаме и Мьянме, также есть нефть и газ, но не в тех количествах, чтобы серьезно помешать российскому экспорту. Китай же по своим запасам углеводородов уверенно входит во вторую десятку стран, а по добыче – как нефти, так и газа – является одним из лидеров.

Россия добилась серьезных успехов в экспорте нефти в восточном направлении, но в результате этого может начать «проседать» экспорт на Запад

Несколько лет назад Китай начал реализовывать собственную программу разработки сланцевого газа, и еще год назад ее рассматривали как серьезную угрозу российскому экспорту. В 2016 году в стране было добыто 7,9 млрд м³ сланцевого газа. Однако уже в следующем 2017 году этот показатель удалось довести лишь до 9 млрд м³, а к 2020 году Китай может увеличить объемы добычи сланцевого газа до 17 млрд м³. Это оказался совсем не тот рост, который был нужен китайской экономике и правительству Поднебесной – в его планах было увеличить производство сланцевого газа к 2020 году до 30 млрд м³. К тому же добыча сланцевого газа в Китае оказалась значительно дороже, нежели в США.

По мнению Константина Симонова, «китайская история с добычей сланцевого газа напоминает ситуацию с экспериментами по разработке газогидратов в Японии. Шуму много, потрачены громадные средства, а реального дела нет. Китай закупил дорогостоящее оборудование, нанял американских специалистов, но оказалось, что американский опыт в Китае неприменим. Геология сланцевых залежей здесь другая. Вообще, сланцевый газ напоминает экзотическое животное, которое во всем мире, кроме Америки, можно увидеть только в зоопарке. Оно действительно существует, но живет пока только в США».

К этому можно добавить, что для освобождения от зависимости от импорта углеводородов Китаю нужно увеличить собственное производство газа в два раза, а нефти – в три. Причем по последнему показателю нужно обогнать всех нынешних лидеров мировой нефтедобычи, в том числе и Россию. Конечно, учитывая работоспособ-

ИМПОРТ СПГ В СТРАНЫ АЗИИ В 2017 г., млн т

Страна	Импорт в млн тонн	Изменения к 2016 году в %
Япония	83,52	0,20 %
Китай	39,01	42,30 %
Южная Корея	37,83	10,60 %
Индия	19,22	1,20 %
Тайвань	16,61	10,20 %
Пакистан	4,62	56,40 %
Тайланд	3,95	31,90 %
Индонезия	2,64	- 18,30 %
Сингапур	2,00	- 3,80 %
Малайзия	1,80	36,20 %

Источник: GIIGNL

ность жителей Поднебесной, можно допустить, что подобное выполнимо, но едва ли в этом будет какая-либо выгода для экономики страны.

Еще один вариант, способный создать сложности российским компаниям в их продвижении на Восток, – это воспользоваться услугами поставщиков углеводородов из других стран. Рынок АТР слишком лакомый кусок, чтобы за него не велась серьезная конкурентная борьба. Достаточно вспомнить, что изначально производители СПГ из США, в первую очередь, рассчитывали продавать свою продукцию в Южной Америке и Европе. Однако уже со второй половины 2016 года они попытались переориентироваться на страны АТР. Причем с приходом к власти Дональда Трампа с его жесткой энергетической доктриной, к экономике добавилась политика, и противодействие экспансии российского НГК на Востоке только усилилось.

В 2017 году очень много говорилось о возможном сотрудничестве США и Китая в нефтегазовой сфере. После посещения Китая Дональдом Трампом в начале ноября прошлого года, речь пошла о многомиллиардных соглашениях в сфере энергетики, которые напрямую могли затронуть интересы России. Например, о совместном СПГ-проекте на Аляске и китайских инвестициях в освоение сланцевого газа в Западной Вирджинии. Однако участие в американских проектах компаний из Поднебесной абсолютно не означает, что из-за этого нефть и газ из США станут вытеснять российский продукт с китайского рынка. Причем еще неизвестно, какая часть из заключенных соглашений будет реализована. Дальнейшая экономическая политика Трампа в отношении Китая была очень жесткой и совсем не способствовала сближению двух стран.

ЭКСПОРТ СПГ КОМПАНИЕЙ «САХАЛИН ЭНЕРДЖИ», 2012–2017 гг., млн т

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Япония	8,3	8,8	8,5	7,6	7,4	7,4
Южная Корея	2,2	1,9	1,9	2,7	1,9	1,9
Китай	0,4	0,1	0,1	0,2	0,3	0,5
Тайвань	-	-	0,1	0,3	1,4	1,7
Таиланд	-	-	0,1	-	-	-
Всего	10,9	10,8	10,7	10,7	11,0	11,5

Источник: Минэнерго РФ

Как сказал Константин Симонов, «все эти соглашения не более чем декларации о намерениях. Если какая-то сторона их не выполнит, в суд с этим не пойдешь. Трамп активно продавливает тему американской нефти и газа в разных концах земного шара, но в этом больше политики, а не экономики. Китайцев нельзя принудить покупать американский СПГ или нефть. Скорее уж Китай может использовать эти свои соглашения с США для заключения контрактов с нашими компаниями на более выгодных для себя условиях».

Показательно, что в 2017 году трубопроводный газ поставлялся в Китай из Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и Мьянмы, а главными поставщиками СПГ были отнюдь не США, а Австралия, Катар и Малайзия. Причем Китай в 2017 году потеснил Южную Корею и стал второй страной в мире после Японии по потреблению сжиженного газа, закупив 39 млн тонн СПГ (см. «Импорт СПГ в страны Азии, 2017 г.»). Примечательно, что российский сжиженный газ с Сахалина в Китай тоже почти не попал – в Поднебесную было поставлено всего 500 тыс. тонн. Основная часть нашего СПГ (7,4 млн тонн) была отправлена в Японию. Стоит отметить, что в стране Восходящего солнца, несмотря на тесные связи с США, доля американского экспорта СПГ также значительно уступает российским поставкам (см. «Экспорт СПГ компанией «Сахалин Энерджи», 2012–2017 гг.»). В 2017 году Япония закупила в США всего 950 тыс. тонн сжиженного газа.

По словам Константина Симонова, «СПГ из США не выгоден для Китая, слишком дорогой. Предложение в регионе очень много, но, пожалуй, можно сказать, что у российского продукта есть все конкурентные преимущества, не только перед американским сжиженным газом, но и австралийским, – от цены до скорости доставки благодаря географическому положению. У СПГ с Сахалина только один минус – ограничения объемов производства. Поэтому-то большая часть Сахалинского сжиженного газа и достается Японии, как ближайшему соседу. Когда же произойдет запуск «Силы Сибири», едва ли с российским трубопроводным газом сможет конкурировать какой-либо СПГ, производимый в регионе».

Об истинных приоритетах Поднебесной в развитии нефтегазовой отрасли говорит еще тот факт, что в феврале текущего года Китай запустил на Шанхайской международной энергетической бирже собственный нефтяной фьючерс, номинированный в юанях, что должно повысить конкурентоспособность юаня на международных рынках и снизить валютные риски при внешнеторговых операциях. Если учесть, что Китай крупнейший потребитель нефти и член БРИКС, а Россия главный экспортер черного золота в Поднебесную, то это даст возможность странам перейти на взаиморасчеты в национальных валютах. «О влиянии на рынок китайского нефтяного фьючерса говорить пока рано, но, несомненно, его запуск – положительный сигнал для российских компаний», – считает Константин Симонов.

ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что переориентация отечественных нефтегазовых компаний на сотрудничество с Востоком во многом отвечает интересам азиатских стран, которые готовы делать, и уже делают, встречные шаги. Нефть и газ из России востребованы в АТР не по политическим причинам, а исключительно из-за своих конкурентных преимуществ. Страны региона действуют предельно прагматично, выбирая наиболее выгодные для себя варианты сотрудничества в сфере энергетики.

Для нашей страны, по мнению Евгения Гавриленкова, «на фоне достаточно угрюмых отношений между Россией и Западом уместнее говорить о том, что гораздо лучше проглядываются перспективы сотрудничества российских нефтегазовых компаний со странами АТР. Сказанное справедливо и для перспектив развития экономических отношений в целом. Помимо того, что многие государства АТР достаточно терпимо относятся к различным политическим системам, т. е. не особо страдают от своего рода «идеологического фундаментализма», их экономики показывают более высокие темпы экономического роста. В этих условиях сближение России со странами АТР выглядит не только более естественным, но и более прагматическим».